

22. Создание методического объединения по направлению инклюзивного образования.

23. Создание внутришкольного центра помощи детям с ОВЗ, детям в норме, их родителям и учителям.

24. Создание условий для эффективной работы педагогов, психологов, дефектологов.

Об авторе

Скрябина Дарья Юрьевна, кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры педагогики ФГБОУ ВПО «Глазовский государственный педагогический институт им. В.Г. Короленко», Глазов, Удмуртия. E-mail: Dar-skryabina@yandex.ru

ТЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

МОДЕРНИЗМ В КОНТЕКСТЕ ЭККЛЕЗИАЛЬНОГО КРИЗИСА

В.Ю. Лебедев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь

А.М. Прилуцкий

ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», Санкт-Петербург

В статье утверждается идея о том, что манифестации модернизма как феномена современной западной религиозности вписываются в общую картину экклезияльного кризиса. В результате не всегда оказывается валидным классическое противопоставление модернизма фундаментализму. Привычная бинарная модель их противопоставления недостаточно отражает их общую природу, фундированную кризисом церковности. В то же время анализ указанных феноменов в духе церковной традиции позволяет осмыслить их более полно и методологически корректно.

Ключевые слова: модернизм, протестантизм, кризис, гносеофобия.

Формирование необходимых общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций бакалавра теологии является одной из самых важных задач в области теологического

образования в современной России. Понятно, что это невозможно без должного уровня теоретической подготовки студента. В учебном плане направления «Теология» содержится целый ряд дисциплин, взаимосвязанных друг с другом, последовательно углубляющих знания в области философии, религиозной философии и философии религии. Существует целый ряд сложных вопросов философско-религиозного порядка, которые заслуживают особого внимания. К числу таких вопросов, безусловно, относится и понимание сущности модернизма в контексте эkkлeзиального кризиса.

Влияние секуляризационных процессов и развитие некоторых изначально присущих протестантизму тенденций привели к кризису во многих протестантских конфессиях и деноминациях. Проявлениями этого кризиса является рост либерализма, причем не только в области теологии, но и в области этики, морали и пасторского богословия. Так, этапами либерализации многих лютеранских церквей в Европе и Америке стали последовательные шаги, направленные на узаконение практики рукоположений женщин для пасторского, а затем и епископского служения, признание гомосексуальных отношений допустимыми, дискуссии о возможности эвтаназии.

Характерным проявлением кризиса в современном лютеранстве стала тенденция к повсеместному внедрению в церковную жизнь харизматических практик, модернизм в области литургики, который приобретает порой сюрреалистические формы, расцвет крайних форм пиетизма. Использование гитар, барабанов и бубнов во время богослужений, крайне свободное отношение к литургическому канону, мода на экстравагантные литургические облачения (равно как проведение богослужений в обычном повседневном костюме), сентиментальные проповеди и проч. сегодня едва ли не повсеместны.

Отдельной проблемой является оценка степени влияния на протестантизм обновленческих процессов, протекавших в *постсоборном* католицизме, где с 1960-х гг. можно наблюдать ряд схожих явлений: как гиперрационализм, так и уклон в харизматическую мистику, нелепейшие эксперименты в области литургики, подчас обгоняющие аналогичные в протестантизме (если служение лицом к алтарю сохранилось во многих лютеранских общинах, то в католицизме его можно найти только у «клефевристов», седевакантистов и в общинах, пользующихся правами служения Мессы Пия V, причем только во время таких «экстраординарных» – это их нынешний официальный статус – служб), хотя сами эти процессы гомоморфными все же не являются. Пожалуй, только классических пиетистских увлечений мы не находим, очевидно,

лишь потому, что это явление типично именно для протестантской надконфессиональной мистики. То, что в католицизме нет женского священства, связано с тенденцией догматизировать этот вопрос, из-за чего ревизия здесь невозможна. Но нашествие разного рода «алтарниц», «чтиц», «уделительниц Причастия» (без малейшей нужды в этом), что в открытую противоречит традиционной католической моральной теологии, составляет серьезную проблему (консервативные верующие подчас перестают посещать такие службы). Эти явления пытаются объяснить: 1) влиянием протестантизма на католицизм (такое объяснение встречается, например, среди консервативных католиков, особенно традиционалистов; 2) влиянием постсоборных реформ на протестантизм, который попытался унифицировать собственную теологию и богослужение (так, некоторые полагают, что массовое распространение практики служения лицом к народу в консервативном протестантизме во многом является влиянием постсоборных литургических нововведений); 3) результатом одних и тех же сложностей, ситуативных влияний и соблазнов, в которых оказались все «западные» конфессии. Какое объяснение следует признать верным, признать ли полифакторность процесса, пока еще не ясно окончательно.

Особо следует отметить рост среди лютеран интереса к харизматическому целительству. На этой волне возникают лидеры, претендующие на обладание особыми харизматическими дарами исцеления различных болезней силой своего духовного воздействия без использования медицинских средств. Более радикально настроенные харизматические целители вообще обвиняют научную медицину во всевозможных грехах и отговаривают больных пользоваться квалифицированной медицинской помощью. Так, например, получившая скандальную известность целительница Пиркко Яловаара, прихожанка Евангелическо-лютеранской церкви Финляндии, утверждает, что болезни вызваны бесами и что лекарства – это ворота для сатаны. Она говорит, что людям, долго принимавшим лекарства, нужно отказаться от этого, поскольку бесов можно изгнать только силой Божией. Яловаара принадлежит к харизматическому движению и проводит харизматические вечера, на которых она «исцеляет» людей в церквях по всей Финляндии. Журналист задается вопросом: как Евангелическо-лютеранская церковь допускает проповедь подобного рода в своих церквях? Один из ответов заключается в том, что харизматическое движение объединяет многих прихожан церкви. Без него церковные скамьи опустели бы, и поэтому церковь предпочитает закрывать глаза и молчать.

Поскольку такой харизматический целитель не несет никакой ответственности за результат своих духовных манипуляций, любой исход

болезни оказывается для него приемлемым. Смерть больного, наивно отказавшегося от помощи научной медицины из-за увещаний харизматического проповедника, последний всегда может без ущерба для своего авторитета объяснить «слабой верой» умершего или, не вдаваясь в подробности, «волей Божией». Выздоровление же всегда будет использоваться для маркетинга и «раскрутки» соответствующего целителя.

Интересно, что серьезных теологических аргументов в пользу правомерности деятельности указанной целительницы не приводится. Контент-анализ интернет-материала позволил выявить использование доводов вроде «Какой вред может нанести церкви пенсионерка, не могущая посещать Россию чаще двух раз в год». Подобная демагогия изобличает, на наш взгляд, полную теологическую беспомощность и упадок культуры богословской дискуссии.

Практика харизматического целительства во многих отношениях близка первобытному анимизму и шаманизму, поскольку все события человеческой жизни, прежде всего болезни и неприятности, объясняются в этом дискурсе как результат воздействия злых духовных существ. Упрощение религиозных доктрин, сведение их до противопоставлений типа: мирское – духовное, ангелы – демоны, религия – наука, – придает мировосприятию современных харизматиков выраженный гностический оттенок.

Харизматическое движение в современном протестантизме и католицизме следует рассматривать именно как одно из проявлений модернизма – явления исключительно сложного, поражающего исследователей многообразием форм и проявлений, способностью формировать многочисленные синкретические дискурсы. Синкретический характер харизматического движения проявляется прежде всего в том, что понимание сущности молитвенных практик в нем деградирует и в итоге интерпретируется в концептах древнего анимизма и шаманизма, таким образом происходит разрыв с теологической традицией Церкви, сформировавшейся уже в Средние века и направленной к осознанию «фундаментального различия между порядком природы и порядком молитвы» [1, с. 131]. Отнесение феномена модернизма к концептам либеральной теологии, вопреки популярному в современном религиоведении взгляду, не является однозначным. Если в католицизме модернизм обычно оказывается продуктом либерализма, то в протестантизме наблюдается более широкий спектр возможностей и отношений. Так, например, модернизм вполне оказывается способным уживаться с протестантским фундаментализмом, движением,

противостоящим в теологии основным положениям либерального богословия. Не в последнюю очередь это связано с тем, что дискурсы фундаментализма концентрируются вокруг *отдельных* догматических положений. Постулируя, что элементы догматических систем неравнозначны, фундаментализм претендует на право выносить оценочное суждение о том, что относится к «ядру» теологии (ее центр, фундамент-основание), а что – к периферии, которой можно если не пожертвовать вообще, то допустить практически любую интерпретацию. В этом состоит отличие фундаментализма от традиционализма: последний представляет собой теологическое направление, заявляющее о ценности всей традиции, традиции как таковой, а не отдельных ее частей, хотя традиция в религии и теологии «не только подвержена изменениям, но и способствует им» [5, с. 53].

Поэтому в той степени, в которой либеральная критика не затрагивает тех догматических положений, которые сторонники фундаментализма полагают относящимися к основным теологическим постулатам, либерализм в теологии способен вполне уживаться с фундаменталистскими тенденциями [2, с. 87–97].

От такого сосуществования – на деле синкретического смешения либеральных и фундаменталистских тенденций – в современном протестантизме следует отличать фундаменталистский либерализм как принципиально иное явление, порожденное развитием религиозной ситуации в европейском культурно-историческом контексте XX–XXI вв. Фундаменталистский либерализм представляет собой некий теологический аналог либеральному фашизму – явлению, глубоко укорененному в культуре современности. Фундаменталистский либерализм представляет особую разновидность фундаментализма, полагающую в качестве фундаментальных оснований религиозной культуры либеральные постулаты релятивности религиозной истины, необходимости постоянного обновления всех сторон и аспектов церковной жизни в соответствии с модными современными социополитическими и мировоззренческими теориями и концепциями, отказ от догматических формулировок. Фундаменталистский либерализм, как и либеральный фашизм, вполне могут уживаться с харизматией – фашистские идеологии вообще способствуют формированию особых сектантских по духу обществ вокруг фигуры харизматического лидера.

Не будучи, как уже отмечалось выше, явлением однородным, религиозный модернизм оказывается способным порождать многочисленные синкретические дискурсы. В основе этого явления лежит достаточно сложный семиотический механизм заимствования и

ресемиотизации семиотически значимых элементов различных религиозных традиций и их включение в модернистские дискурсы. Действие данного семиотического механизма можно проследить на различных уровнях. Например, за тенденциями к так называемому «литургическому обновлению» в скандинавском лютеранстве скрывается именно модернистская ресемиотизация элементов древних литургических чинов. Так, элементы древних литургий, будучи механически привнесенными в формат лютеранского богослужения, не столько способствуют утверждению ценности древних литургических форм, сколько порождают вполне модернистское отношение к литургии: оказывается, что можно все, что понравилось, просто позаимствовать и переосмыслить в модернистском духе [4].

Модернистские дискурсы в теологии обладают способностью активного самовоспроизведения [6, с. 23–25]. Всякое заимствование, всякая стилизация «под древность» вовсе не свидетельствуют о «возвращении к традиции», но только являются способом активного воспроизведения модернистского дискурса, а в плане эстетики ритуала дают яркие образцы постмодернистской эклектики (а порой просто эклектики дурновкусной, не дотягивающей даже для постмодернизма).

Теологическая оценка харизматии, сделанная о. Павлом Флоренским, особо актуальна сейчас именно применительно к протестантизму: «В тех же общинах или компаниях, где переживание Духа объявлялось нормою, неизбежно возникало хлыстовство, разумея это наименование в широком смысле всякого лжедуховного энтузиазма и лже-мистического, душевного (не духовного) волнения совокупности радеющих людей» [7, с. 123].

«Католический» харизматизм имеет практически те же формы, отличаясь разве что попытками переосмысления ряда типично католических культовых практик (харизматическое радение перед Святыми Дарами, харизматическое переосмысление почитания ряда святых и пр.). Порой харизматические практики не могут контролироваться даже епархиальными епископами из-за закрытости, фактической автономности и самоуправства соответствующих групп, ярким примером которых является небезызвестный «неокатехуменат», запрет на деятельность которого в одной из католических епархий обсуждался как пример выдающихся качеств епископа, его принципиальности и даже смелости.

Другим проявлением кризиса в протестантизме стало усиление тенденций к **гносеофобии** (прот. Г.В. Флоровский использовал термин «гносимахмия») – особой совокупности религиозно-мировоззренческих

установок, отвергающих необходимость духовного образования для совершения пастырского служения и – более того – в крайних формах утверждающих вредность и пагубность всякого образования, кроме самого элементарного или утилитарно-профессионального, для духовной жизни человека. Часто гносеофобия носит выраженную эсхатологическую окрашенность, при этом образование и – шире – знания отвергаются не сами по себе, но как лишние, ненужные в условиях начавшейся актуализации эсхатологических событий. С такими поведенческими установками связаны тенденции к эскапизму, повышенная тревожность, страх перед будущим, зачастую обретающий маниакальные формы. Как справедливо обобщает американский философ Эрик Дэвис, «призрак паранойи часто преследует субкультуры, которые сознательно выпадают из мейнстрима», и «этот параноидальный стиль интерпретации символизма товаров и символических систем современного общества несомненно можно назвать непреднамеренной эсхатологической аффектацией, но эти визионерские подозрения тем не менее складываются в определенную творческую силу» [3, с. 196] .

Различными модальностями гносеофобии в протестантизме являются утверждения о том, что нет возможности сочетать «веру» и «знание», что образование неизбежно приводит к конфликту с религиозным мировосприятием и в итоге к утрате веры.

С этими утверждениями легко уживаются представление о том, что образование, особенно обучение в вузе, проживание в общежитии, общение с другими студентами «опоганивает», погружает человека в пространство религиозной нечистоты, скверны, препятствует выполнению религиозных этических и аскетических установок, равно как представления о том, что «духовному человеку» образование не нужно, он и без того все знает. Крайней формой гносеофобии является вера в то, что знание неизбежно формирует гордыню и для правильного духовного состояния лучше всего оставаться неграмотным. Перечисленные характерные установки гносеофобского мировосприятия иногда образуют целые системы, хотя чаще выступают в разрозненном и несистематизированном виде: гносеофобские установки изначально не нацелены на интеллектуальную работу, без которой невозможна систематизация. Гносеофобский дискурс отличается неупорядоченностью, противоречивостью и бессистемностью. В этом русле происходит и деградация богословского образования, порой нисходящего до уровня библейских курсов для деревенского духовенства.

Несмотря на то что гносеофобия не является сугубо протестантским явлением, именно в современном протестантизме данные тенденции прослеживаются наиболее отчетливо.

Отмечается ли гносеофобия в современном католицизме? Не очень ярко, но все же порой заметно. Так, умеренной гносеофобией следует считать ревизию учебных программ духовных учебных заведений с исключением ряда курсов (или их радикальным переосмыслением). Из семинарских программ исчезает латинский язык, ряд курсов пытаются сделать «более библейскими», что подразумевает сокращение доли схоластических методов богословия с заменой их прямыми ссылками на библейские тексты, что очень сильно напоминает стиль обучения и мышления, свойственный учебным заведениям баптистов и иных радикальных протестантов. Характерно и то, что приверженцы «католического харизматизма» часто осуждают «образованность», полагая ее ненужной и даже вредной, демагогически ссылаясь на жития некоторых святых, о которых известно, что они не получили серьезного образования: их случаи предлагаются как нормативные примеры. При этом подобные пропагандисты харизматического невежества подчас сами обладают катастрофическими пробелами знаний даже на уровне катехизиса.

Что же касается эсхатологического дискурса, то при всей сложности его можно отметить как эсхатологический оптимизм, являющийся наследием либерального христианства позапрошлого века, так и активизацию эсхатологических настроений, что присуще отнюдь не только типичным традиционалистам, эсхатологически осмыслявшим еще события, связанные с соборными реформами. Другое дело, что эсхатологическая проповедь не обязательно должна выражаться на страницах официальной церковной прессы и в епископских посланиях, бывает достаточно воскресных проповедей или частных бесед с верующими. Подчас эсхатологическая ангажированность намеренно скрывается, дабы не вызвать претензий со стороны священноначалия.

Список литературы

1. Вульф М. де. Средневековая философия и цивилизация / М. де Вульф. М.: Центрполиграф, 2014. 253 с.
2. Головушкин Д.А. Религиозный фундаментализм / религиозный модернизм: концептуальные противники или амбивалентные феномены? // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. 2015. № 1. С. 87–97.

3. Дэвис Э. Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху / Э. Дэвис. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2007. 480 с.

4. Лебедев В.Ю. К семиотике религиозного модернизма: семантика и хронологическое соотнесение / В.Ю. Лебедев, А.М. Прилуцкий // Вестник ТвГУ. Серия: Философия. 2010. № 3. С. 37–46.

5. Осипова О.А. Определение понятия «традиция» в англоязычной обществоведческой литературе / О.А. Осипова // Зарубежный Восток. Религиозные традиции и современность. М., 1983. С. 50–59.

6. Прилуцкий А.М. Метафорика религиозного ритуального дискурса / А.М. Прилуцкий // Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии. Вып. 2. СПб.: Любавич, 2013. С. 21–39.

7. Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины. Т.1 / П.А. Флоренский. М.: Правда, 1990. 840 с.

Об авторах

Лебедев Владимир Юрьевич, доктор философских наук, профессор кафедры теологии Института педагогического образования ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет». E-mail: semion.religare@yandex.ru

Прилуцкий Александр Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры религиоведения ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена». E-mail alpril@mail.ru

К ВОПРОСУ О ТЕОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСВЕЩЕНИИ МОЛОДЕЖИ: НЕОЯЗЫЧЕСТВО – ВОЗВРАЩЕНИЕ В ДЕТСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ МЫСЛИ

А.Л. Безруков, В.Ю. Лебедев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь

В данной статье рассматривается феномен неоязычества, возрождение и реконструкция этого явления в России. Выявляются характерные черты движения, общие тенденции и направление развития. Разбираются причины, порождающие популярность родноверия, приводится мнение самих современных неоязычников о данном движении. Выясняются антихристианские, националистические черты идеологии неоязыческих организаций. Анализируются основные положения неоязычества, их парадигмы, символика, философия и